

Шэньху, видя, что тот довольно долго молчит, немного занервничал.

— Давай поступим так: мы отправимся к старцу Черепахе и попросим его сотворить гадание. Если в этой жизни тот человек снова вступит в секту Ванцзянь, тогда мы заберем его духовный меч с собой. Ну а если нет, то и бог с ним.

Юнь Фэймяо любопытствовал:

— А кто такой старец Черепаха?

— Его можно назвать одним из божественных зверей, охраняющих секту Ванцзянь. Он неизменно несёт стражу на самом дне озера Пяомяо в тайном царстве. Гадания старца Черепахи поразительно точны, он непременно сумеет высчитать нынешнее воплощение того заклинателя меча! — Шэньху испытывал перед этим старцем Черепахой колоссальное благоговение.

— Идет, тогда давай отправимся и расспросим его.

Юнь Фэймяо и сам сгорал от любопытства к этому старцу Черепахе и ждал встречи с ним даже сильнее, чем Шэньху.

Это ведь была легендарная божественная черепаха, охраняющая секту! Говорили, что в ней течет наполовину кровь Черной черепахи — Сюанью, к тому же она прожила уже не один десяток тысяч лет. Должно быть, выглядит она невероятно величественно и грозно?

— Пошли, пошли, пошли! — обрадовался Шэньху.

Он свернул иллюзорный мир, после чего наложил на Юнь Фэймяо защитный барьер духовной энергии, сдерживающий воду, и потащил паренька за собой, увлекая на самое дно.

Юнь Фэймяо на самом деле ничуть не боялся воды, но отказываться от добрых намерений Шэньху не стал.

Он повернул голову и принялся разглядывать гуся, обнаружив, что перья на всем теле Шэньху обладали водоотталкивающими свойствами, позволяя ему даже в воде сохранять грациозную и прекрасную осанку.

К тому же Шэньху ухитрился свободно дышать в воде и даже принялся вовсю распевать ему песни, издавая громкое «га-га-га».

Голос у него был довольно чистым и звучным, вот только слухом птица была обделена начисто, да к тому же тараторила слова с бешеной скоростью. Один гусь пел с таким размахом, словно за ним подтягивался хор из пяти тысяч братьев, так что у Юнь Фэймяо от этого шума в голове начался сплошной гул.

Ему очень хотелось попросить певца заткнуться, но сколько он ни открывал рот, вклиниться в этот поток не получалось, а даже если бы и вышло — Шэньху всё равно ничего бы не услышал!

Тот уже окончательно и бесповоротно погрузился в собственное пение, и никакие звуки окружающего мира не способны были его потревожить.

Юнь Фэймяо оставалось лишь обреченно вздыхать. Он мысленно рассудил, что даже обычное, непринужденное пение этой птицы обладало сокрушительной убойной силой, а если бы она

добавила туда хоть каплю духовной энергии, это превратилось бы в мощнейшую ментальную атаку.

Не желая больше подвергаться истязаниям гусяного вокала, он попросту проткнул выданный ему Шэньху барьер духовной энергии и первым устремился на глубину.

Шэньху, видя, что паренек чувствует себя в воде еще более вольготно, чем рыба, не стал вмешиваться и продолжил всюю голосить.

Водяной духовный корень Юнь Фэймяо обладал очень высокой степенью чистоты, что с самого рождения даровало ему природное родство с водной стихией. К тому же чем ниже опускался он в этом озере, тем плотнее и выше становилась концентрация духовной энергии, отчего Юнь Фэймяо чувствовал себя всё более комфортно и невольно погружался всё быстрее и быстрее.

Однако озеро оказалось пугающе глубоким. Юнь Фэймяо никак не мог достичь дна, из-за чего едва не потерял счет времени.

Ему казалось, что в этих водах он подобен крошечной капле в бескрайнем море — до жалости слабому и ничтожному существу.

Воды Цанлан безбрежны, мое тело ничтожно.

И всё же, пусть мое тело и мало, оно по-прежнему способно всколыхнуть мириады вод и взметнуть исполинские волны.

Юнь Фэймяо ощутил мимолетное просветление в душе и, использовав ладонь вместо меча, сотворил ручной знак техники меча.

В то же мгновение неподвижные воды, дремавшие здесь долгие годы, взметнулись исполинскими волнами. С самого дна озера из ножен вырвался духовный меч и, пронзив бесчисленные слои бушующих волн, влетел прямо в руку Юнь Фэймяо, издав тихий, тоскливый звон.

В тот миг, когда его пальцы сомкнулись на рукояти, Юнь Фэймяо почему-то почувствовал, как у него защемило в носу, а к глазам подступили горячие слезы.

Он неосознанно провел ладонью по лезвию, и выступившие из порезов капли крови были до единой поглощены духовным мечом.

Стоило клинку насытиться кровью, как в ладонь Юнь Фэймяо скользнул поток духовного света, заставив раны мгновенно затянуться, не оставив и следа от недавнего повреждения.

Вместе с тем над лезвием меча вспыхнули две лазурные вспышки, и два иероглифа предстали перед взором Юнь Фэймяо:

«Цанмяо».

В то же мгновение, как Юнь Фэймяо мысленно прочитал имя меча, в его сознании возник силуэт человека.

Этот мужчина лицом процентов на семьдесят-восемьдесят походил на его родного деда, однако аура у него была совершенно иной — в ней сквозила безудержная удаль и бунтарский дух, каких Юнь Фэймяо прежде никогда не видывал.

Сотканный силуэт, упершись руками в бока, заливался громким хохотом:

— Кто бы мог подумать, кто бы мог подумать! По прошествии нескольких тысяч лет этот меч вновь вернулся в руки потомка моего клана Юнь. Младший, смотри внимательно: это техника меча Цанлан, созданная лично мной, твоим предком. Силы этого остаточного духовного помысла ограничены, так что я смогу продемонстрировать ее тебе лишь один-единственный раз.

Техника меча Цанлан, созданная предком клана Юнь — почтенным мастером меча Цанланом, являлась первой на континенте Цанлань по-настоящему могущественной техникой меча стихии воды. В свое время эти приемы нанесли сокрушительный урон бесчисленным рогатым демонам, благодаря чему имя создателя прогремело на весь континент.

К сожалению, техника так и не была завершена до конца: почтенный Цанлан погиб, и его жизненный путь оборвался, заставив бесчисленных заклинателей меча сокрушаться от невозможной утраты.

В книгохранилище клана Юнь тоже имелся свиток с этой незавершенной техникой меча. Юнь Фэймяо еще в раннем детстве был очарован ею и полностью освоил все сохранившиеся фрагменты.

Однако техника меча, которую сейчас демонстрировал возникший в его сознании остаточный помысел, была абсолютно целостной, и даже те части, что прежде разошлись по миру, здесь были переработаны и доведены до еще большего совершенства.

— Создание любой техники меча требует бесчисленных повторений и тренировок. Даже сам творец, используя ее в разные периоды своей жизни, непременно привносит в нее что-то новое. Этот комплекс техники Цанлан был постигнут мной на пороге смерти. Это лучший вариант водной техники меча, который мне довелось исполнить за всю мою жизнь, вот только ему так и не суждено было явиться миру. Но я верю, что это далеко не предел истинной мощи техники Цанлан. Молодой человек, то, насколько сокрушительной она станет в будущем, теперь полностью зависит от тебя.

— Предок слишком высокого мнения обо мне, — Юнь Фэймяо ощутил легкий трепет и тревогу.

Он с самого детства одновременно постигал четыре пути — искусство меча, талисманы, иллюзии и медицину. И пускай его таланты во всех четырех направлениях можно было назвать вполне сносными, человеческие силы и время не безграничны. Он, скорее всего, сможет стать лишь достойным преемником и хранителем наследия, но никак не первопроходцем.

Повторить подвиг почтенного Цанлана — пробудить водяной духовный корень и в одиночку сокрушать врагов во всех четырех направлениях — ему было совершенно не под силу.

Остаточный помысел больше ничего не ответил. Он лишь бросил на Юнь Фэймяо глубокий взгляд, в котором читались и надежда, и легкое сожаление, и непреклонная решимость идти до самого конца.

На самом деле ему хотелось высказать еще тысячи и десятки тысяч слов, но в то же время он понимал, что не должен раздавать лишних советов. Путь младшего поколения должен быть пройден им самим, а если сказать слишком много, можно лишь ненароком поколебать его сердце Дао.

К тому же он не имел права навязывать собственную волю потомку.

Он ведь был всего лишь угасающим остаточным помыслом. То, что он сумел дожидаться кровного преемника своего истинного тела и передать ему полное руководство по технике меча Цанлан, уже само по себе было поводом для великого утешения.

Даже если в его душе еще оставалась какая-то привязанность к этому миру или не исполненные сожаления, ему всё равно пришел черед окончательно рассеяться.

Ведь его истинное тело давным-давно обратилось в небытие, а божественная душа успела сменить неизвестно сколько перерождений.

Те прежние сожаления или привязанности вместе со смертью истинного тела безвозвратно погребены под пылью истории, и этот блеклый остаточный помысел был не в силах их исправить.

Поэтому он больше не желал попусту тратить остатки сил на напутствия — пусть эта крошечная крупица энергии послужит защитой и убережет этого младшего на его последнем отрезке пути.

Вместе с исчезновением остаточного помысла Юнь Фэймяо ощутил, как чья-то большая ладонь мягко и ободряюще похлопала его по макушке — точь-в-точь как делал каждый из старших членов семьи, когда не мог со спокойным сердцем отпустить его в дорогу.

От этого Юнь Фэймяо почувствовал невероятное тепло и близость. Он неосознанно вскинул голову, желая разглядеть уходящего, но увидел лишь, как призрачный силуэт огромной ладони обратился лучом белого света и скользнул ему прямо в межбровье.

Это же...

— Божественный помысел защиты тела?

Юнь Фэймяо протянул руку и коснулся своего межбровья. Одинокая слеза, едва успев сорваться из глаза, тут же растворилась в водах озера.

В клане Юнь стоило любому представителю младшего поколения отправиться в странствия ради тренировок, как старшие родственники с высоким уровнем культивации непременно закладывали в него защитный божественный помысел, способный уберечь жизнь младшего в самый критический момент.

Подобные помыслы не несли в себе атакующей мощи — в основном это было ментальное давление высокого уровня культивации и духовный щит, оберегающий родную кровь.

Перед нынешним уходом из дома старшие родственники, сменяя друг друга, заложили в Юнь Фэймяо в общей сложности больше десятка таких защитных помыслов: один принадлежал мастеру стадии Очищения Пустоты, три — мастерам стадии Трансформации Божества, а остальные были созданы практиками стадии Зарождающейся Души. Вот только...

Из-за того что старшие слишком уж за него тряслись, порой стоило кому-то обругать его погрязнее, как это тут же могло активировать один из защитных помыслов стадии Зарождающейся Души.

В том вещем сне Сыту Синь, разузнав досконально закономерности активации этих защитных сил, на его же собственные деньги нанимал людей, чтобы те осыпали его бранью, и таким образом полностью растратил всю дюжину помыслов стадии Зарождающейся Души.

Что же касается оставшихся четырех мощных помыслов, то в полном смертельных опасностей тайном царстве израсходовать их не составило особого труда.

До чего же этот мерзавец был паршивым псом!

В душе Юнь Фэймяо вновь зашевелилось и готово было вспыхнуть яростное желание прикончить Сыту Синя, однако разумом он прекрасно понимал: сон — это всего лишь сон. Каким бы реалистичным и мучительным он ни казался, пока противник не предпринял никаких действий наяву, он и сам не имеет права переходить к действиям.

Небесное Дао даровало ему это предзнаменование с целью помочь избежать рисков, а не для того, чтобы он по собственной инициативе лез на рожон и искал гибели.

Юнь Фэймяо оставалось лишь переплавить эту жажду убийства в движущую силу. Он вскинул покоящийся в руке меч Цанмяо и принялся раз за разом, круг за кругом отрабатывать технику меча Цанлан.

Память у него была отменная: то, что он увидел хотя бы раз, он способен был удерживать в голове в течение полумесяца. Но для того, чтобы запечатлеть это навечно, требовалось закреплять увиденное бесчисленными повторениями.

Он исполнил этот комплекс движений в воде примерно пять раз, прежде чем полностью и намертво запечатлел технику в своей памяти. И пусть при этом он не задействовал духовную силу, каждое его движение было настолько пропитано подлинной жаждой убийства, что прятанный в отдалении Шэньху от этого зрелища мелко задрожал всем телом.

<http://bllate.org/book/17668/1656355>